

Худышкина Алина Евгеньевна
Студентка КГПУ

Не вдруг школа строилась: из истории становления образования на полуострове (начало XVIII—XX вв.)

«Камчатка — удивительный край; находясь в тысячах верст от Москвы, она имела особую известность — в Камчатку шли за богатством, в ней искали прославления имени своего, она была еще и последним пристанищем ссыльных». Камчатка привлекала внимание русского правительства прежде всего своим географическим положением. Захватив Чукотку и Камчатку, царская Россия намеревалась получить выход к морю, что создавало предпосылки к завоеванию цепочки островов и части американского материка.

В 1697 году военный поход Атласова положил начало завоеванию самой отдаленной восточной части Севера — края и конца Сибирской земли. Восемнадцатый век проходит под знаком дальнейшего освоения завоеванных территорий. Одновременно с процессом завоевания идет и процесс колонизации. Местное население стало испытывать непосредственное влияние со стороны представителей русской нации, а между тем здесь, на Камчатке, царили свои законы, порядки, обычаи и правила, касающиеся разных сфер жизни коренного населения, в том числе и особенностей воспитания и обучения детей

Следует отметить, что традиционные методы воспитания детей сходны у многих северных народов. Народная практика воспитания детей отличалась рационализмом, она была основана на законах приспособления к естественной среде и хозяйственной деятельности.

Все детские игры были связаны с охотой, оленеводством, промысловым бытом. В играх отражался уклад жизни камчадалов.

Мальчики 4—6 лет забавлялись охотой с луком, пуская стрелы в стволы деревьев. Старшие во время перекочевок объезжали молодых оленей, соревнуясь в силе, ловкости и умении. В 8—10 лет уже принимали участие в охоте.

Девочек в 6—7 лет учили шить, поручали уход за младшими братьями и сестрами. Они участвовали в приготовлении пищи, упаковке имущества при перекочевке. В 12—13 лет — выделявали оленьи шкуры, занимались рукоделием, заготовкой дров, подвозкой льда...

Грубое и жестокое обращение с детьми осуждалось: родители не применяли порки, лишения еды и другие строгие наказания. Все взрослые уделяли много внимания детям, мастерили игрушки, рассказывали сказки, делились накопленным опытом.

Специфика народного воспитания определялась и религиозными верованиями.

Таким образом, коренное население находилось в своем естественном мире, где обычаи, традиции переходили от одного поколения к другому.

Проникновение русских землепроходцев на Чукотку и Камчатку способствовало приобщению местного населения к русской культуре, однако, этот процесс был длительным и протекал довольно болезненно.

В это время разворачивается миссионерская деятельность на Камчатке.

В 1705 году Филофей Лешинский, воспитанник Киевской академии, назначенный Петром I, отправил на полуостров архиепископа Мартинаиана для миссионерской деятельности среди ительменов, а также священников-миссионеров. В 1711—1712 гг. на полуострове начинают строиться церкви.

Однако коренное население с большим недоверием и озлоблением отнеслось к деятельности миссионеров. С 1731 по 1741 гг. вспыхнул ряд восстаний ительменов и лишь после подавления последнего из них деятели церкви приступили к массовому крещению коренных жителей. До ительменского восстания в 1731 г. было крещено менее 100 человек. В 1745 г. на Камчатку прибыл архимандрит Иосиф Хотунцевский. Он пробыл здесь 7 лет и под его руководством камчадалы «все до единого за помощью божиею крестились». Распространяя христианство среди народов севера, церковь широко использовала и школу. Первые шаги на этом пути были сделаны в начале XVIII в.

Известно, что первые на Камчатке официальные школы для детей местного населения были открыты И. Хотунцевским в 1745 г. в центральных камчатских острогах: Большерецком, Верхне-Камчатском, Нижне-Камчатском. Потом были открыты школы и в более отдаленных острогах: в Шемякинском — в 1746, в Тигильской крепости — в 1748, в Ичинском и в порту Петра и Павла.

Организации школ придавалось большое значение. «Зело на Камчатке быть школам нужно, — писал Хотунцевский, — первое, для твердости веры, чтоб юность углубила догматы благочестия и своевольством златого времени не тратила; второе, для необходимых церковных потреб; третье — для уничтожения совершенно грубых обычаев, в которых до сего времени здешняя страна погружена была».

Учителями в этих школах были студенты славяно-греко-латинской академии, которые направились на Камчатку вместе с Хотунцевским. Располагались школы в церквях, часовнях, избах. В каждой обучалось от 9 до 45 детей в возрасте от 6 до 17 лет. Из коренного населения больше было учеников- ительменов, так как коряки менее общались с русскими и их дети реже посещали школу.

Однако дети, лишенные привычной обстановки, с трудом выносили пребывания в школе, где учение велось на русском языке, к тому же применялось наказание.

Кроме того, привлечению детей в школы мешал сбор ясака. Записаны в ясак были не только подростки, но и младенцы. Поэтому Хотунцевский ходатайствует перед Большерецкой канцелярией, чтобы «не благоволено было класть детей в ясак до возраста осмнадцатилетнего».

Между тем, дело просвещения на Камчатке продвигалось, если раньше были большие трудности в доставке учебников и пособий, вместо бумаги использовали выделанные тюленьи шкуры или бересту,

то, например, в середине XVIII в. в Большерецкой школе имелось 95 азбук и 23 букваря, остальные книги имели церковное содержание.

К 1761 г. школы были открыты при 14 церквях Камчатки, а число обучающихся достигло 300.

Состав учащихся школ был разнороден. В Большерецкой, Гаванской, Нижне-Камчатской учащимися были дети офицеров, казаков, духовенства, и лишь небольшую часть составляли дети ительменов и коряков. Занятия вел один учитель. Строгого соблюдения классно-урочной системы не было. Занимались дети лишь в зимние месяцы (октябрь- конец апреля), затем ребята уезжали к месту кочевок родителей.

В церковноприходских школах детей учили читать и писать по-русски с тем, чтобы затем проповедовать слово божье. За деятельностью учителей со стороны священников был установлен строгий контроль.

В середине 70-х г. XVIII в. камчатские школы были реформированы. Материальная забота о них возложена была на светские власти, а содержанием обучения и назначением учителей ведало духовное правление. Дети обучались рисованию, пению, арифметике. Учащиеся стали получать довольствие от казны в виде одежды и продуктов питания, а по окончании школы могли поступать не только на церковную, но и на гражданскую и военную службы. Но уже в 1783 г. эти школы прекратили свое существование, так как духовные власти не задавались целью развивать школьное образование на Камчатке среди национальных меньшинств, а преследовали лишь определенную цель.

Таким образом, с конца XVIII в. заметно снижены были темпы роста культурно-просветительской работы на полуострове.

По переписи населения в 1897 г. из всех учтенных коряков и ительменов читать и писать могли только 5 человек. Позднее губернатор Мономахов заявил: «Сей народ вообще грамоте не способен». Невысока была грамотность и у смешанного, и у собственно русского населения. Насчитывалось не более 8 % грамотных. В самом Петропавловске дело с обучением детей обстояло несколько лучше.

Еще в 1892 г. фельдшер Г. Федотов открыл школу грамоты. Через два года начались занятия в Петропавловском городском двухклассном училище. Здесь преподавали приехавшие из Архангельской губернии учителя Аполлон Лаврентьевич и Олимпия Степановна Соболевы, которые были настоящими подвижниками просвещения.

Учителя-подвижники встречались и в других местах Камчатки. Так, с 1897 по 1900 гг. учительствовала в селе Апача местная жительница Анна Михайловна Панова, потом с детьми работал К. Ф. Антонов.

В 1902 г. в Хайрюзове на средства местного населения была построена школа. Первым учителем в ней стал ительмен-самоучка Александр Данилов, который выучился грамоте по церковно-славянской азбуке. В 1908 г. в эту школу, обращенную в церковно-приходскую, приехал русский учитель Дмитрий Новиков, которого в 1912 г. сменил Иннокентий Николаевич Косыгин. Как свидетельствует летопись Хайрюзовской школы «работал он в школе 1 год, вернее прожил год в Хайрюзове, а работать ему совершенно не было времени: ночи напролет пьянствовал, играл в карты, а днем спал».

Стоит отметить, что учителя на Север обычно назначались из служителей культа: священники, дьяконы, псаломщики — люди с небольшой общеобразовательной и педагогической подготовкой. Свою деятельность они часто рассматривали как нечто дополнительное к их основной профессии и далеко не были ей увлечены. Ни их жизнь, ни их деятельность не добавили коренному населению уважения к руководимой ими школе.

В 1914 г. при церковно-приходской школе в Тиличихах на средства камчатского благотворительного братства открылся приют для корякских детей-сирот. Помогали приюту и коряки, которые давали по 25 связок ююлы на воспитанника. В 1915 г. здесь обучалось 35 детей.

Таким образом, несмотря на многочисленные трудности и препятствия, дело школьного строительства продвигалось вперед. Однако многие школы находились в запущенном состоянии, были не укомплектованы необходимыми учебными пособиями, не существовало четко разработанной программы работы с детьми. Трудности заключались и в отдаленности школ от места жительства родителей учеников.

Окончившие школу, находясь в тяжелых жизненных условиях, часто не могли использовать полученные знания, реализовать на практике свои способности.

«Такая школа, — писал камчатский учитель А. А. Курилов, — безусловно, не удовлетворяла даже примитивных запросов камчадала, а ребенок, пробыв в школе около 3 лет, через какие-нибудь 5—6 лет забывал даже процесс чтения и письма».

И только в 1926 г. были изданы программы для северной школы, где основное внимание было уделено тому факту, что необходимо чутко и осторожно подойти к коренному населению Севера, к сложившемуся у него укладу жизни, обычаям, традициям и привычкам.